

Евангельская притча в Киево-Печерском патерике

Киево-Печерский патерик — первый памятник русской патерикографии, в котором прославляется Печерская обитель и ее подвижники. Сочинение представляет собой сложный, неоднородный жанровый ансамбль, формировавшийся на протяжении XIII–XVII вв. При рассмотрении состава ансамбля закономерно возникает вопрос: благодаря чему обеспечивается его целостность? Л.А. Ольшевская в одной из своих работ, посвященной выявлению специфики патерикового жития, описывает жанровые элементы памятника, отмечая, что «организует этот разнородный в жанровом отношении материал в патерике прием единого композиционного целого — форма переписки (речь идет о «переписке» епископа Владимирского и Суздальского Симона и инока Поликарпа — постриженников Печерской обители. — Т.К.), где задается тема сборника и намечаются пути ее реализации. В дальнейшем это композиционное ядро обрастает родственными (прежде всего по тематике) текстами, что ведет к усложнению структуры памятника, но не противоречит законам „сложения“ произведений ансамблевого характера в древнерусской литературе. Конструируя произведение, средневековый писатель вводил их без внешней мотивировки, но подчинял вставки общей идейной направленности сборника, приспособлявая их к его тематической заданности»¹. Приведенное наблюдение совершенно справедливо, но не является полным, поскольку взгляд исследователя сконцентрирован на композиционной организации памятника. С нашей точки зрения, есть более глубинное основание, обеспечивающее единство патерикового ансамбля. Вспомним, что сакральными образцами жанров, на которые ориентируются средневековые книжники, составляя свои сочинения, являются жанры книг Священного Писания². Один из наиболее значимых для древнерусской литературы — евангельская притча: «Древнерусская рукописная традиция свидетельствует о массовом распространении сюжетной притчи и притчеобразных форм повествования, начиная по крайней мере с XII в.»³. Повествование Киево-Печерского патерика пронизано параболичностью, но вопрос о том, каким образом в памят-

¹ Ольшевская Л.А. Своеобразие жанра житий в Киево-Печерском патерике // Литература Древней Руси. М., 1981. С. 29.

² См., напр.: Берман Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 173; Успенский Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 5.

³ Ромодановская Е.К. Древнерусская притча: самоопределение жанра // ТОДРЛ. Т. 54. СПб., 2003. С. 192.

нике проявляются черты притчи, еще не был в центре внимания ученых. Ему и будет посвящена настоящая работа.

Прежде чем приступить к анализу текста, представим важные для нашего исследования особенности жанра. В работе Е.К. Ромодановской сказано, что притчей может быть любое повествование, независимо от его жанровой природы, содержания, образов, сюжета. Притчей оно становится, когда для этой задачи его приспособливает повествователь, в этом случае оно приобретает определенную структуру: «Важнейшей приметой нарративной притчи является деление текста на две части — рассказ о каком-либо случае, как правило, сопровождается его толкованием, где раскрывается символический смысл события»⁴.

Обратимся к памятнику⁵. Он начинается со «Слова о создании Печерской церкви». Автором этой части текста является уже упомянутый епископ Симон⁶. Далее в сочинении выделяются еще два агиографических цикла, принадлежащие Симону и Поликарпу. Заключительная часть патерика — летописное по происхождению «Слово о первых черноризцах печерских», в котором повествуется о четырех иноках — Демьяне, Еремее, Матфее и Исакии. Краткие рассказы о трех первых братьях объединены в одной части повествования, а отдельное Слово посвящено подвигу Исакия Печерника, оно завершает как последнюю часть патерика, так и сочинение в целом.

Как было отмечено, текст патерика вырос из «переписки» Симона и Поликарпа, ставшей ядром сочинения⁷. Первым обращается с Посланием к иноку Поликарпу Симон. Указывая на неподобающее иноческому поведение брата, он призывает его к покаянию и приводит в

⁴ Ромодановская Е.К. Римские Деяния на Руси. Вопросы текстологии и русификации: Исследование и издание текстов. М., 2009. С. 139.

⁵ В работе используется текст Основной редакции Киево-Печерского патерика, изданный Л.А. Ольшевской по рукописи РНБ, собр. Ю.А. Яворского (ф. 893), № 9 (Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1999. С. 7–80). Далее в скобках указываются страницы этого издания.

⁶ См., напр.: Абрамович Д.И. Исследование о Киево-Печерском патерике как литературном памятнике. СПб., 1902. С. XXVII–XXVIII; Конявская Е.Л. Симон и Поликарп — создатели Киево-Печерского патерика // Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). М., 2000. С. 118–137; Ольшевская Л.А. Об авторах «Киево-Печерского патерика» // Литература Древней Руси. М., 1978. Вып. 2. С. 13–28.

⁷ Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI — первая половина XIV в.). Вып. 1. Л., 1987. С. 308.

пример рассказы о деяниях печерских подвижников. Названные рассказы вместе с Посланием Симона составляют принадлежащий ему цельный агиографический цикл. Второй агиографический цикл — цикл Поликарпа также состоит из описаний иноческих деяний и Послания. Поликарп продолжает ту же логику, согласно которой начал строить сочинение епископ Симон, но не вступает в прямой диалог с ним, а обращается к игумену монастыря Акиндину. В Послании инок сообщает, что выполняет давнюю просьбу игумена — рассказать о деяниях подвижников, прославивших обитель: «Восприняв произведения Симона как явление большого литературного масштаба, а не как документ частной переписки, Поликарп продолжил труд своего учителя, но в отличие от него прямо указал на то, что свои рассказы о печерских подвижниках он адресует большой аудитории читателей. Цель его сочинения — донести до „будущих чернецов“ жития „святельников Русской земли“»⁸.

Жанр рассказов о печерских подвижниках определяется исследователями как «патериковые жития», важной особенностью которых является наличие в их «эпицентре... от одного до нескольких наиболее ярких эпизодов жизни героя»⁹. По-другому эти эпизоды можно назвать «случаями из жизни», — мы обращаем свое внимание на эту деталь, поскольку она отражает суть притчи, в основе которой лежит, согласно приведенному выше определению из исследования Е.К. Ромодановской, рассказ о каком-либо случае. То есть можно говорить о том, что рассказы о деяниях иноков формируют основу «патериковой притчи». Попытаемся показать, каким образом они приобретают «параболическую функцию» в тексте памятника, и определить в нем особенности «патериковой притчи».

Рассмотрим более детально Послание Симона. В нем в сжатом виде сформулирована концепция иноческого послушания, намечены основные темы, которые затем разворачиваются в рассказах о подвижниках на протяжении всего сочинения (18–22). Одна из главных тем Послания — тема о необходимости покаяния, которое приводит к спасению. Ее епископ Симон начинает развивать на основе ситуации инока Поликарпа. Вкратце со слов Симона она такова: возжелав власти, инок стремится покинуть обитель (он дважды игуменствовал в других монастырях, но по каким-то причинам вынужден был возвратиться, а также у него есть серьезные виды на епископство, которые поддерживаются светской властью). Симон порицает Поликарпа за то, что тот, принимая решения, руководствуется собственной волей, а не

⁸ Словарь книжников и книжности Древней Руси. С. 371.

⁹ *Ольшевская Л.А.* Своеобразие жанра житий... С. 22.

волей Всевышнего, что ведет к духовной гибели: «Велика срамота одержит мя тебе деля! Аще блажашеи ны сде варяють ны во царство небесное, и ти в покои обрящутся, мы же, горко мучими, взопием? И кто помилует тя самому себе погубившу? Вспряни, брате, попецися мысленно о своей души!» (19).

Итак, описанная Симоном история Поликарпа — своего рода завязка, отправная точка для того, чтобы ввести в повествование наставляющие брата на путь покаяния рассказы о деяниях подвижников, которые патерик определяет как Слова¹⁰. В данном случае можно заметить, что в памятнике проявляется тот же принцип, который прослеживается и в сюжетах Евангелий, когда несправедное поведение кого-либо из героев — момент, с которого Христос начинает учить притчами, ср.: «Приближались к нему все мытари и грешники слушать его. Фарисеи же и книжники роптали, говоря: Он принимает грешников и ест с ними. Но Он сказал им следующую притчу...» (Лк. 15: 1–3).

Проследим, как в патерике разворачивается тема о покаянии грешника. В памятнике выделяется пласт Слов о «грешных святых»¹¹. Слова об Онисифоре, об Еразме Черноризце, об Арефе, о Тите и Евагрии, о преподобных отцах Феодоре и Василии развивают названную тему. Среди них — Слово об Исакии Печернике (77–78), которое, как уже было отмечено, завершает памятник¹², и Слово о Никите Затворнике, будущем новгородском епископе (36–38), открывающее цикл, принад-

¹⁰ Как пишет В.В. Кусков, данное название глав патериков «давало возможность чтенцу легко ориентироваться в сборниках, а также указывало на то, что главы этих сборников были предназначены для назидательного чтения перед монастырской братией» (см.: *Кусков В.В. Жанровое своеобразие Киево-Печерского патерика // Методология литературоведческих исследований. Прага, 1982. С. 34*). Но помимо этого можно сказать, что определение жанра отсылает читателя или слушателя непосредственно к Библии, которая именуется также Словом Божиим. Проповедуя, Иисус говорил языком притч, которые помогают постичь «высшее» через осмысление «земного»: «И таковыми многими притчами проповедовал им слово (курсив наш. — Т.К.), сколько они могли слышать; без притчи же не говорил им, а ученикам наедине изъяснял все» (Мк. 4: 33–34).

¹¹ Сюжет о раскаявшихся грешниках, ставших святыми, «грешных святых» — особый тип агиографического сюжета, имеющий свои специфические черты и вписывающийся в богословскую триаду «грех — покаяние — спасение» (см.: *Климова М.Н. От протопopa Аввакума до Федора Абрамова: Жития «грешных святых» в русской литературе. М., 2010. С. 12*).

¹² Об истории этого текста, его месте в структуре памятника см.: *Мюллер Л. Рассказ об Исакии и сказание «что ради зовется Печерский монастырь» // ТОДРЛ. Т. 54. С. 66–69*.

лежащий Поликарпу. На примерах двух последних Слов покажем, как они соотносятся по смыслу с Посланием Симона.

Об Исакии Печернике, одном из первых печерских черноризцев, известно, что, став иноком, он сразу затворяется в пещере и в течение семи лет ведет очень строгую жизнь. Далее патерик повествует о том, как Исакию во время пения псалмов явились бесы в образе ангелов и повелели поклониться главному среди них бесу, которого назвали Христом. Подвижник исполнил их повеление, потому что не мог отличить бесовского явления от божественного, и чуть не умер от их козней (взяв сопели, гусли и бубны, бесы заставили святого плясать до полусмерти). Из-за этого Исакий в течение трех лет пребывает в тяжелой болезни и за ним ухаживает Феодосий Печерский. Исцелившись, подвижник понимает, что был не готов к подвигу, который на себя возложил, и решает продолжить путь духовного совершенствования в обители. Он обретает такую духовную крепость, что вновь поселяется в пещере и бесы уже не могут его победить.

Никита Затворник в посвященном ему тексте сравнивается с Исакием. Он, подобно последнему, желая людской славы, хочет затвориться в пещере. Но игумен не позволяет ему сделать этого (поскольку подвижник еще молод, лучше ему оставаться в монастыре среди братии), а также напоминает, что сам Никита был очевидцем того, как Исакия прельстил дьявол: «О чадо, несть ти ползы праздно сидети, понеже ун еси; уне ти есть, да пребудеши посреди братиа, да, тем работаа, не погресиши мзды своая. Самовидец еси брата нашего святого Исакия Печерника, како прелщен бысть. Аще не бы велиа благодать Божиа спасла его, иже ныне чюдеса творит многаа?!» (37).

Но Никита не послушается игумена и повторит путь Исакия.

Два названных Слова (об Исакии и о Никите) входят в своеобразный диалог с Посланием епископа Симона, в котором тот призывает покаяться инока Поликарпа: «И исправи в себе согрешение, и всю силу вражю победиши» (20).

Истории Никиты и Исакия — примеры гордецов. Оба старца самостоятельно избирают свой подвиг, и поскольку находятся в начале духовного пути, не имеют опыта, который позволил бы им отличить бесовскую прелесть от истинного проявления божественного. «Откальываясь» от братии, они оказываются во власти бесов¹³. Из Послания

¹³ На патериковые рассказы об Исакии и Никите также обращает внимание в своем исследовании М.Н. Климова, она выделяет разные типы «раскаявшихся грешников», среди которых — тип «отступники», и относит двух названных героев к разновидности «невольных отступников»: «Особенно интересны среди них (рассказов из патерика. — Т.К.) истории

Симона мы знаем, что и ситуацию Поликарпа он осмысляет подобным образом, обращаясь к иноку, Симон говорит следующее: «Не веси ли, яко древо, часто не напаемо, скоро изсохнет? И ты от послушания отча и братий своих оставле свое место, вскоре хотя погыбнути. Таковый овча пребываа въ стаде, неврежено будет, а отлучившееся — скоро погыбнет и волком изъядено бывает. <...> Разумех тя санолубца, и славы ищещи от человек, а не от Бога. Не веруеши, окаяне, писаному: „Никтоже о себе возмет чести, но възванный от Бога“» (20).

Процитированный нами текст патерика срабатывает по принципу «тематического ключа» (термин Р. Пиккио)¹⁴, обращая читателя к контексту евангельских притч. Слова Симона об отлучившейся овце, которой суждено погибнуть от волка, отсылают к притче о добром пастыре: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец; а наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка и оставляет овец и бежит, и волк расхищает овец и разгоняет их; а наемник бежит, потому что наемник, и нерадит об овцах. Я есмь пастырь добрый, и знаю Моих, и Мои знают Меня: как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца, и жизнь Мою полагаю за овец» (Ин. 10: 11–15). Наставительная же функция Симона соотносится с поведением хозяина пропавшей овцы из другой евангельской притчи, которую Христос рассказывает фарисеям: «Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее? А нашед возьмет на плеча свои с радостью; И пришед домой, созовет друзей и соседей и скажет им: порадуйтесь со мною, я нашел мою пропавшую овцу» (Лк. 15: 4–6).

Здесь стоит обратить внимание на то, что именно в Евангелии от Луки притча о заблудшей овце находится в контексте других притч — о потерянной драхме (Лк. 15: 8–10) и о блудном сыне (Лк. 15: 11–32). Все три притчи, добавляя к пониманию друг друга дополнительные оттенки смыслов, дают читателю — обычному человеку — возможность «причаститься» той радости о раскаявшемся грешнике, какая может быть на Небесах, о чем говорит Иисус в своих толкованиях¹⁵:

невольных *отступников* (курсив автора. — Т.К.): Исаакия Печерского и Никиты, епископа Новгородского, которые могут служить предостережением против крайней аскезы. Оба они в затворе впали в грех гордыни и тем временно отдали себя во власть дьявола» (см.: *Климова М.Н.* От топота Аввакума до Федора Абрамова. С. 15–16).

¹⁴ Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык. М., 2003. С. 431–466.

¹⁵ Тема помилования грешников — одна из основных тем Евангелия от Луки, учение же о покаянии и отпущении грехов — один из краеугольных камней христианской этической доктрины. Поэтому внимание к этой теме создателей Киево-Печерского патерика очень показательно для началь-

«Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15: 7).

Исходя из сказанного выше два рассмотренных нами рассказа — о Никите Затворнике и Исакии Печернике — можно назвать притчами. По мысли М.Л. Гаспарова, в основе притчи (и родственной ей басни) лежит пример, являющийся простейшей формой аргументации, использовавшийся в разговорной речи с древнейших времен¹⁶. Подобными примерами о деяниях подвижников Симон подкрепляет мысль о необходимости покаяния, обозначенную в Послании. Доказательством этому служит заглавие, которое относится ко всему Симонову агиографическому циклу: «И се ти, брате, скажу что ради мое тщание къ святому Антонию и къ святому Феодосию» (22)¹⁷. Так Слова патерика в целом приобретают «параболическую функцию». Что касается второго элемента структуры притчи — толкования, то в «патериковых притчах» оно не прописано буквально, но читатель может достроить его в своем сознании, опираясь собственно на Евангелие. Следует отметить, что этот структурный элемент не всегда является обязательным для притчи¹⁸. В Евангелии от Луки, наряду с притчами-иносказаниями (притча о заблудшей овце), есть притчи, не требующие толкования (например, о мытаре и фарисее), и притчи, которые допускают как прямое, так и иносказательное понимание (о милосердном самарянине).

Обратимся вновь к теме покаяния и помилования грешника, чтобы рассмотреть, какова концепция, оформляющая пласт «патериковых притч» в единое целое. Как было показано, толчком для создания и развертывания повествования памятника служит история инока Поликарпа, «притягивающая» к себе рассказы о деяниях подвижников. И в ряде этих рассказов — Словах, посвященных «грешным святым», — обращает на себя внимание повтор ситуации согрешившего и раска-

го этапа становления «русской версии» христианства. Скопление в сочинении различных вариаций на тему помилования грешников напоминает скопление притч о Божьей милости к грешникам в Евангелии от Луки. Благодарю М.Н. Климову за эту мысль, высказанную в личной беседе.

¹⁶ *Гаспаров М.Л.* Басни Эзопа // Басни Эзопа. М., 1968. С. 241.

¹⁷ Как пишут Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников в комментариях к патерику, «данное заглавие имеет общий характер и, скорее всего, относится ко всему циклу рассказов Симона о Печерских святых» (см.: Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. С. 403 (комм.)).

¹⁸ *Ромодановская Е.К.* Повести о гордом царе. Новосибирск, 1985. С. 45.

явшегося инока¹⁹. В их свете фигура Поликарпа перестает восприниматься как фигура человека — реально существовавшего исторического лица. Сюжетная ситуация проецируется на него, и он сам становится «грешным иноком», приравниваясь к героям патерика. Когда читатель доходит до заключительного Слова памятника: Слова об Исакии Печернике, то из предыдущего повествования он уже знает, что этот святой — один из «грешных святых», патериковых гордецов, к которым относятся и Никита Затворник, и инок Поликарп. Таким образом, это Слово не просто завершает памятник, оно завершает и тему о покаянии грешника, начатую в Послании епископа Симона, семантически и композиционно закольцовывая текст. В сочинении начинает просматриваться структура сюжета, подобная той, которая лежит в основе житий «грешных святых», описанная М.Н. Климовой: грех инока Поликарпа — рассказы о покаянии «грешных иноков» Печерской обители — возможность помилования и спасения. По наблюдениям исследовательницы, образцами, на которые ориентируются средневековые авторы при построении данного сюжета, послужили «евангельские притчи и эпизоды о раскаявшихся мытарях, блудницах и Благоразумном разбойнике, равно как и истории первоверховных апостолов Петра и Павла (отступника и гонителя)»²⁰. Так, патерик, обращая читателя к евангельским притчам и шире — к тексту Библии, предлагает свой вариант покаяния.

¹⁹ Заметим, что воспроизведение устойчивых формул, сюжетных ситуаций и проч. — известная черта поэтики средневековых сочинений, вызванная требованиями литературного этикета, и, как пишет Д.С. Лихачев, средневековые авторы использовали этот прием «не механически», поэтому всегда важно понять, какую именно роль играет повтор в конкретном сочинении (см.: *Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы* // Лихачев Д.С. Избр. работы: В 3 т. Т. 1. Л., 1987. С. 356–357).

²⁰ *Климова М.Н. От протопопа Аввакума до Федора Абрамова. С. 13.*